

Марина Черноскутова

БОЛЬЮ ИЗ ЗОЛ

О книге Татьяны Николаевой “Клочок обетованный”

Предисловие

Со времён университета терпеть не могу критику. В школе я её, естественно, успешно не читала. Меня до кипения доводила способность авторов закапывать своё мнение о произведении (по поводу которого они взялись писать) под толщу мнений других авторов по тому-то и по тому-то вопросу, своего согласия или не согласия с их мнениями, под пресс мудрствований об общих вопросах литературы и ещё каких-нибудь непредвиденных ответвлений по теме, а иногда и вообще непонятно зачем. Меня бесили длиннющие предложения, как только что сотворённое мною предыдущее. Я в них чувствовала себя, как та птица, которая пытается долететь хотя бы до середины Днепра. А гарцевание терминами там, где можно сказать общепотребительной лексикой? И я, как сапёр, выискивала в этих дебрях словесного выдрипоза, что же всё-таки имеет сказать автор по поводу интересующего меня произведения. И хорошо, если это «имеет сказать» занимало хотя бы четверть статьи. И вот я постарела до того, что испытываю невозможную потребность высказаться о поэзии Татьяны Николаевой. Дорогой читатель! Я торжественно обещаю написать только ту четвертинку, которая ПРО Николаеву, а остальные атрибуты критической статьи опущу за ненадобностью. Я за экономию бумаги и твоего времени. Я постараюсь писать понятными предложениями и общечеловеческими словами. Я таю надежду, что ты дочитаешь мою статью и захочешь прочесть стихи Татьяны Николаевой.

Бывший пионер, Марина Черноскутова.

Слов

Клочок обетованный... Лексика двух этих слов контрастна и, кажется, не даёт возможности соединения. Клочок – это что-то жалкое, бесформенное, скомканное... Оторванная от целого частичка. Обетованный – возвышенное библейское определение, подразумевающее рукотворный порядок, размеренность и определённый жизненный уклад, счастье. Островок обетованный, например, было бы почти то же самое, но потерялась бы как раз суть содержания книги Татьяны Николаевой. Островок – изначально существующее в природе пространство, отделённое от подобного ему водой. У островка, так или иначе, есть своё местоположение. Клочок – оторванность искусственная, совершенная извне. В самом слове есть состояние неопределённости. От чего клочок? Почему оторван? Где находится? Однако при всей этой неопределённости он не просто обжитый как-нибудь, а обетованный. Рождается новый смысл привычного явления. Таким рождением пропитана вся книга. От привычного отторгающего представления о вороне в начале книги («Воронья-то сколько, воронья-то! Нанесло же их в мою весну...») до отражения то ли вороны в себе, то ли себя в вороне («Эта ранняя слякоть сквозная Мне, вороне, видать по плечу. Обхожу свою былль чернокрыло,

Свою боль пролетаю насквозь:
Зачала... Уважала... Любила... Как-то всё
получилось поврозь.) Рождаются союзы
прозы и лирики. Берусь утверждать,
что «Клочок обетованный» - это поэма.
Поэма, в которой эпическая и лирическая
составляющие разделены: сюжет
передаётся прозой, а эволюция души –
чистой лирикой. Схематично сюжет этой
поэмы можно передать сном, который
автор называет внутриутробным:
«Просто космос: звёзды. Я – точка в
нём, тоже вроде как звёздочка. Вокруг
много таких же, как я, свободных
звёздочек. Мы отличаемся от внешнего
космоса тем, что можем передвигаться,
как хотим: выстраиваемся в цепочки,
водим хороводы, собираемся
из них в геометрические (скорее
стереометрические) фигурки, какие-то
знаки. Мне это нравится. Это игра. Но
очень серьёзная игра, потому что я уже
знаю, что, если хочешь не потерять
свободу движений, надо быть или первой
звёздочкой в цепочке, или последней.
Первой – потому что куда бы ты ни пошла,
все будут двигаться за тобой. Последней
– потому что можно сбежать, если цепочка
выстраивается в угрожающую фигурку.
Да, это очень важно сразу понять –
угрожающей будет фигурка или доброй.
Если сразу не поймёшь, то кто-нибудь
пристроится за тобой и замкнёт! И всё. В
угрожающей фигурке тяжело, страшно.
Она потом взрывается, и не знаешь, куда
тебя вынесет. А вынести может далеко,
в пустоту, где нет свободных звёздочек,
и потом приходится долго пиликать в
мёртвом пространстве, выискивая живых.
Вернёшься, а от тебя шарахаются, даже в
хвост пристроиться не пускают! Это очень
тоскливо, когда тебе нет даже последнего
места в цепочке. Так что – хочешь, не
хочешь, - надо быть очень внимательным,
когда начинается фигурка».
Каждая из двенадцати глав начинается
прозаической сюжетной частью, где
рассказывается как раз о том, как в нашем
людском космосе мечется маленькая
звёздочка – девочка, поэт, мать, бабушка -
Татьяна. Происходит "взрыв" - ее выносит
неведомо куда: то в тайгу, то в монастырь,
то замуровывает в коммуналке... И она
"пиликает" в поисках "своих"... Заглядывает
в другие "обетования" - Фойгт, Галыгин,
бабушка, Татьяна Тудегешева, Александр
Ибрагимов, Урабэ Канзёси (в эпиграфах)
... Поэма щедрa на посвящения людям
и знакомство с людьми. А остальное -
вакуум. Не описывая действительности
вокруг клочка обетованного, не осуждая

его – автор делает его вакуумом. Образ не
названный, а созданный пространством
произведения.
Каждая из двенадцати глав продолжается
лирическими произведениями,
отражающими внутренний мир. Человек
как монета: аверс – проза, реверс – поэзия.
Человек как сосуд: внешняя поверхность –
проза, внутренность – лирика. Человек как
оптический прибор: реальность – проза,
преломление реальности внутри прибора
– лирика. Лирический герой поднимается
на высоты, где способен «молиться за
йуду», слышать как «гора вздохнула
всей грудью, обнаружив в себе сердце»,
видеть уходящую душу в полёте бабочке и
сострадать:
Ко мне пришёл человек,
и мы говорили о нём:
о том, что он одинок,
что множество – это тьма,
что в городе беспросветно
и глухо бывает днём,
а ночью от света истины
можно сойти с ума...
Мы говорили о нём.
Душа моя, как раба,
Заваривала нам чай
и возжигала свечу,
примериваясь плечом:
какая она, судьба
чужая?.. И обмирала
от страха – не по плечу...
Эта поэма – единство и борьба прозы
и лирики. Поэма – откровенность.
Искренность, граничащая с безумством
храбрых. Кто отважится описать себя
в родах в совковом роддоме? А кто
сознается, что сожрал друга? Пусть не
человека, а петуха, но поднятого героем
до равенства друга. А двухлетний
ребёнок в тайге в соседстве с гадюками
и медведями? Соцработники! А-у-у!
Не следует ли обратить внимание на
мамашу? На адекватность её воспитания?
А борьба за дизайн коммуналки? Так и
вижу спесивые мордочки маникюрных
барышень: «Ну и лохиня!». А признание
того, что обожаешь Аллочку? Это же
признание всему российскому молодняку
в том, что ты полный отстой. Много ли
женщин согласится выложить историю
своего старения в фотографиях? Причём
без конъюнктур: вот молодая красавица
над толпой с царственным взглядом, а
вот мученица над иконой с уставшими
пронзительными глазами (на этой
фотографии в Татьяне действительно есть
что-то воронье). И на протяжении всей
книги, почти на каждой странице – вороны,
вороны, вороны (графика автора)... Тут

бы от одного обзора не заплакать. И невольно задаёшься вопросом: а зачем? Зачем это всё? Это же какое доверие надо иметь к читателю, что бы так себя перед ним распластать? Это же изначально надо верить в его доброе начало.

А именно с этой веры начинается лирический герой Николаевой. Восхождение к Богу... Перерождение к Богу... Рождение себя «болью из зол»... Примерно такое состояние и есть лирический герой Николаевой.

Когда рождается ребёнок – это счастье! Счастлив отец, бабушки, родственники, друзья... Каждый хочет увидеть, пощекотать, поддержать... И все как-то небесно-солнечно улыбаются. Но всё это лишь капля от того, что чувствует мать, прожившая роды, отдавшая своей болью и страданиями этого ангела, это Божье послание, Миру. В нашей культуре роженическая миссия женщины прикрывается полой стыда. Немного находится отважных русских мужчин, готовых встретить своего ребёнка вместе с женой в родильном зале.

Эстетический сеанс не для слабонервных: и кровь, и боль, и пот, и крик... И вывернуться хочется от собственной бесполезности. И уши хочется зажать от невозможности слышать боль любимой и такой некрасивой сейчас. И помочь нечем. И сбежать нельзя, она же как-то терпит. И, Господи! Когда же уже?.. И когда он рождается!!! Когда ты слышишь его крик!!! Ты даже не знаешь сначала, чему ты рад. Наверное, первый миг – восторг освобождения от собственной муки. А потом трам-та-трам чувств, с которыми ты и справиться не можешь.

Поэма Татьяны Николаевой – это поиск Бога, рождение себя с Богом в душе «болью из зол», это борьба с грязью бытовухи за обетование души. Души чистой, простой и ясной, как детство:

Грызть ранетки и быть счастливой –
Это просто: грызи и будь!

Я грызу и дышу сопливо
На извилистый снизу путь.

Автор ведёт по этому извилистому пути, показывает пронзительные зигзаги рождения-восхождения. Жизнь трудна, насколько распорядится судьба, и прекрасна, насколько способна душа.

Это можно уже не читать. Это те отвлечения, которые я обещала не писать, но очень хочется.

1. Капля дёгтя. Без неё-то как? В книге есть опечатки, нарушения грамматических норм и орфографические ошибки. Мало, но есть. Как-то надо было по-взрослому к изданию подойти, найти средства для корректора. Есть стихи, которые не надо было помещать в эту поэму.

Это замечательные стихи по-своему, но они не от этого лирического героя. Этот, как Бог, прощает, а не судит. Я говорю о таких стихах как «Дети», «Голубок», «Время», «Люди» и им подобных. О тех стихах, которые не через себя пропускают мир, а судят внешний мир напрямую и зло. Они вываливаются. Они не из этой поэмы.

2. «Клочок обетованный» странным образом перекликается с «ДУХLESS» Сергея Минаева. Николаева показывает отчаянную борьбу современного человека за сохранение собственной души. Минаев – современного человека, потерявшего душу в борьбе за деньги. Два полюса. Герой Николаевой в финале полон сил: «Впрочем, стоит вперёд без сомнений и страха взглянуть». Герой Минаева ложится под поезд. Авторы солидарны в мнении, что русский человек без души.... А может слухи о смерти русской литературы сильно преувеличены?

3. У Новокузнецка какая-то странная особенность: содержать своих гениев в коммуналках. Мне в детстве посчастливилось пообщаться с гением кузбасской прозы Геннадием Емельяновым. Вернее, поприсутствовать при его общении с Куропатовым и Рахмановым. Я тогда впервые воочию увидела коммунальную квартиру (где-то в квадрате Курако - Суворова). До этого – попадала в них только благодаря книгам. И вот через двадцать пять лет с таким же благоговением – в уголке Татьяниного жилища. Те же запахи, те же высокие потолки, только район Куйбышевский. Тогда мне страшно хотелось дотронуться до человека, который написал «Истины на камне». Но было страшно. И опять то же чувство. Хочется как-то физически засвидетельствовать, что она настоящая. И меня смешит этот рудимент в себе. Мы ведь достаточно давно знакомы. Можем обнять друг друга при встрече, можем даже поцеловать в щёчку. Лет с пятнадцати во мне колом стояла железобетонная уверенность: я – Поэт. Эту уверенность не пошатнули великие: Пушкины, Есенины, Цветаевы... Не пошатнул учитель мой литературный Владимир Куропатов, который кунал меня, как котёнка, в моё тяжеловесное двиганье слов... Ни разногласные предгении круга «Аз»... Ни состязания поэтов... Я писала, как многим не нравится, но ощущение, что я другой – но Поэт, было во мне неистребимо. До встречи с поэзией Татьяны Николаевой. Прочтя её стихи, я онемела... Не пишется. За что, наверное, спасибо. Искренне.